

Информативность текста связана
с эффективностью процесса понимания

А.И. Новиков. Текст и его смысловые
доминанты. – М., 2007, с. 28.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Н.Н. Трошина. О школе А.И. Новикова..... 7

I. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ТЕОРИЯ А.И. НОВИКОВА

М.И. Киосе. Текстовая инференция: Источники современных когнитивных концепций выводного знания..... 13
Н.Н. Трошина. Стилистическая структура текста и его смысл 27
И.А. Гусейнова. Роль научного наследия А.И. Новикова в отечественной теории институционального дискурса 39

II. ИССЛЕДОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ И СМЫСЛА ТЕКСТА: МЕТОДЫ А.И. НОВИКОВА

Н.П. Пешкова. «Встречный текст» как продукт понимания адресатом и отражение содержательно-смысловой структуры воспринимаемого сообщения..... 54
И.В. Кирсанова. Имплицитность как характеристика текста и ее роль в процессах восприятия и понимания информации 64
А.С. Титлова. Поликодовая оценка в реакциях реципиентов текстов микроблога..... 74

<i>Я.А. Давлетова.</i> Исследование особенностей оценочного мышления в процессах понимания и интерпретации смысла текста: (На материале текста Библии).....	82
<i>А.В. Моисеева.</i> Исследование соотношения содержательных и смысловых реакций в ядре модели понимания текста глянцевого журнала: (С использованием метода «встречного текста» А.И. Новикова)	92

III. ТЕОРИЯ А.И. НОВИКОВА И АВТОМАТИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ТЕКСТОВ

<i>Д.С. Курушин, О.В. Соболева, Д.С. Вяткин.</i> Денотативная модель основного содержания текста в лингвистическом обеспечении робототехнических исследований.....	104
<i>Д.С. Курушин, Е.Р. Леонов, О.В. Соболева.</i> О возможном подходе к автоматическому построению денотатного графа гипертекста.....	113
<i>Е.В. Ерискина, А.Е. Коваль, Д.С. Курушин, О.А. Менжаева.</i> Применение денотативной модели для автоматической генерации тестовых заданий	119

IV. ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА И ПЕРЕВОД

<i>Н.А. Герте-Немцева, А.И. Котельникова, Д.С. Курушин, Н.М. Нестерова.</i> Смысловое свертывание в сокращенных видах перевода	124
<i>М.Б. Раренко.</i> Перевод как способ актуализации смысла.....	139
<i>А.А. Шияпова.</i> Перевод текста: Особенности смыслообразования.....	161

V. ИНФОРМАЦИОННАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА И ЕГО ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА

<i>Н.В. Васильева.</i> Текст на обложке книги: Место в классификации вторичных текстов	169
<i>М.В. Томская.</i> Информативность академических презентаций... ..	183

VI. РЕФЕРАТ

<i>Чернейко Л.О.</i> Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. (Реф. Е.О. Опарина).....	198
Сведения об авторах	211

ВВЕДЕНИЕ

Н.Н. Трошина

О ШКОЛЕ А.И. НОВИКОВА

Аннотация. Дается краткая характеристика концепции А.И. Новикова как модели процесса понимания текста, в рамках которой дифференцируются понятия «содержание текста» и «смысл текста». Показано значение этой концепции для выявления стратегий текстовых трансформаций, в том числе для порождения вторичных текстов (рефератов, аннотаций, переводов).

Ключевые слова: школа А.И. Новикова; психолингвистика текста; смысл текста; содержание текста; первичный текст; вторичный текст; информационная структура текста.

N.N. Troshina

On A.I. Novikov's school

Abstract. The paper gives a brief description of A.I. Novikov's concept as a model of the process of understanding the text in which the concepts of «text content» and «meaning of the text» are differentiated. The significance of this concept for the detection of text transformation strategies, including the generation of secondary texts (abstracts, annotations, translations), is shown.

Keywords: A.I. Novikov's school; psycholinguistics of the text; text meaning; text content; primary text; secondary text; information structure of the text.

«Школа А.И. Новикова» – это словосочетание стало знаковым для лингвистов, относящих себя к различным областям языкознания – общей теории языка, психолингвистике, теории текста, психолингвистике текста, теории дискурса, стилистике, переводоведению, машинному переводу, – поскольку все эти специалисты неизбежно сталкиваются с проблемой понимания текста и сохра-

нения его содержания и смысла при разнообразных текстовых трансформациях. Именно проблема моделирования процесса понимания текста находилась в центре научных изысканий Анатолия Ивановича Новикова (1983–2003) – доктора филологических наук, профессора, заведующего сектором прикладного языкознания в Институте языкознания Российской академии наук.

13 февраля 2018 г. Анатолию Ивановичу исполнилось бы 80 лет. Дело его успешно продолжают благодарные ученики и последователи – доктор филологических наук, профессор Наталья Михайловна Нестерова; доктор филологических наук, профессор Наталья Владимировна Васильева; доктор филологических наук, профессор Наталья Петровна Пешкова, кандидат технических наук, доцент Даниил Сергеевич Курушин, а также их студенты и аспиранты.

Памяти Анатолия Ивановича Новикова и посвящается этот сборник.

Совершенно не случайно, что издание его подготавливалось в Отделе языкознания Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН): обоснованность результатов исследований А.И. Новикова в области смысловой организации вторичных текстов, каковыми являются рефераты, аннотации и обзоры, т.е. основная печатная продукция ИНИОН РАН, подтверждаются всей практикой работы реферативных отделов ИНИОН РАН.

* * *

В статьях, написанных последователями А.И. Новикова, информационная структура текста понимается как совокупное значение его языковых единиц, организованное в соответствии с коммуникативной целью отправителя текста. Эта структура соотносима с его содержанием, т.е. мыслительным образованием, возбуждаемым «в интеллекте непосредственно под воздействием совокупности языковых средств текста, а также дополнительной информации, привлекаемой для его понимания» [Новиков, 2007, с. 6], т.е. выводного знания.

Однако понимание текста не заканчивается переработкой текстовой информации: «Оно продолжается на уровне мышления, в результате чего непосредственный результат понимания данного

текста, возбуждая различные связи и отношения, ‘обрастает’ дополнительными компонентами не только познавательного, но и эмоционального, субъективного, прагматического характера» [Новиков, 2007, с. 6]. Эти дополнительные компоненты участвуют в формировании смысла текста. К этому заключению, позволившему дифференцировать понятия «содержание текста» и «смысл текста», А.И. Новиков пришел в 80-х гг. XX в. и сформулировал в определении, ставшим классическим: «Если содержание текста – это проекция текста на сознание, то смысл – это проекция сознания на текст» [Новиков, 2007, с. 6].

В концепции А.И. Новикова понимание текста рассматривается в тесной связи с его основными характеристиками как вербального феномена и, прежде всего, с информативностью и целостностью. В книге «Текст и его смысловые доминанты» [Новиков, 2007], увидевший свет благодаря усилиям вышеназванных учеников А.И. Новикова, читаем: «Результатом ... понимания, как известно, является формирование в сознании реципиента целостного образа содержания, в котором реализуется информационный аспект текста. Но никакого понимания не произойдет, если за организацией, пусть и самой совершенной, ничего не стоит в содержательном плане, вследствие чего адресат не может соотнести данный текст с тем или иным фрагментом реальной действительности, с определенной реальной ситуацией, описываемой в тексте. Поэтому можно считать, что переход от внешней формы текста к его содержанию, несущему определенную информацию об окружающей нас действительности и совершающийся в процессе понимания, является обязательным. Такой переход непосредственно связан с тем фундаментальным свойством текста, который можно назвать **информативностью** (выделено автором. – *Н. Т.*). Это свойство является наиболее общим признаком текста, определяющим все другие его свойства, в том числе и целостность» [Новиков, 2007, с. 113].

В настоящем сборнике статей показано соотношение понятий, которыми пользуется А.И. Новиков и современная когнитивная лингвистика: «понимание», «интерпретация», «выводное знание» (статья М.И. Киосе); раскрывается роль стилистической структуры текста в формировании его смысла (Н.Н. Трошина).

Научное наследие А.И. Новикова является тем надежным концептуальным основанием, на котором строятся исследования представителей уфимской ветви школы А.И. Новикова –

Н.П. Пешковой, И.В. Кирсановой, А.С. Титловой, Я.А. Давлетовой, А.В. Моисеевой. В статьях этих авторов используется разработанный их учителем метод построения «встречного текста», представляющего собой «набор вербализованных реакций реципиента, возникающих в его сознании в процессе восприятия и осмысления текстовой информации» [Текст и его понимание, 2010, с. 31], т.е. «встречный текст» – совокупность вербальных реакций реципиента на воспринимаемую им текстовую информацию, которая играет роль стимула.

Как отмечает в своей статье Н.П. Пешкова, «экспериментальные исследования по проблеме понимания письменных сообщений различных типов с использованием метода ‘встречного текста’ способствовали выявлению нескольких видов стратегий обработки информации, на которые опираются реципиенты в зависимости от своих индивидуальных психологических особенностей, опыта, предшествующих знаний, а также и от типа воспринимаемого и интерпретируемого текста. Полученные данные показывают, что в общем поле реакций, составляющих ‘встречные тексты’ испытуемых, как правило, наблюдается преобладание реакций того или иного вида. Такие доминирующие реакции, как можно предположить, составляют ядро стратегии обработки информации адресатом» (с. 204).

Помимо метода «встречного текста» А.И. Новиков разработал метод «денотатного графа», имеющего вид иерархического дерева, отражающего денотатную структуру текста. Денотатами являются единицы содержания текста. Такой граф представляет собой «свернутое эксплицитное отображение структуры содержания текста, которой могут соответствовать различные языковые формы» [Новиков, Нестерова, 1991, с. 61].

Этот метод нашел применение в работах пермских последователей А.И. Новикова – сотрудников Пермского национального исследовательского политехнического университета – при решении задач, связанных с искусственным интеллектом. С этой целью разработана модель автоматического построения денотатного графа гипертекста как модели предметной области интеллектуальной системы (см. статью: Д.С. Курушин, Е.Р. Леонов, О.В. Соболева).

Этот же метод предлагается использовать в практике обучения студентов в техническом вузе: строится денотатный граф, возникающий в сознании студента как проекция изучаемого учебного материала (см. статью: Е.В. Ерискина, А.Е. Коваль, Д.С. Курушин,

О.А. Менжаева). Таким путем выявляется, что «с помощью правильной постановки задачи и верно описанной предметной области представляется возможным оценить уровень понимания теоретического материала, который был дан на лекции. Дальнейшие исследования в этой области способны привести к автоматизации процесса проведения контрольных мероприятий по дисциплинам в вузе и позволит измерить уровень понимания теоретического материала, что, безусловно, является фундаментальной задачей всего процесса обучения» (с. 143).

Сохранение не только содержания текста, но и его структуры при смысловой свертке является важнейшей задачей при создании так называемых вторичных текстов, прежде всего, рефератов и аннотаций. Исследования в этой области, также основанные на методе построения денотатного графа, выполняются в том же Пермском национальном исследовательском политехническом университете. Эти исследования направлены на выявление механизмов преобразования первичных текстов во вторичные информационные документы (статья: Н.А. Герте-Немцева, А.И. Котельникова, Д.С. Курушин, Н.М. Нестерова).

Особое место в классификации вторичных текстов занимает текст на обложке книги (рус. «книжное рекламное эссе», англ. blurb, нем. Klappentext). Механизм свертки информации исходного текста – текста рекламируемой таким образом книги – анализируется в статье Н.В. Васильевой в настоящем сборнике.

Обзор истории переводоведения как истории концепций смыслообразования и смыслопреобразования дается в статье М.Б. Раренко. Этот аспект теории перевода важен для переводческой практики, поскольку с проблемой адекватной передачи смысла оригинала сталкивается каждый переводчик как в случае собственно перевода, так и при автопереводе (прежде всего, при переводе художественных текстов), что показано на примере автопереводов В.В. Набокова.

Возникающие сложности объясняются тем, что переводу подвергаются не только языковые составляющие текста, но и стоящая за ними культурно-историческая информация. Это требует учета пресуппозиционных и имплицативных составляющих содержания текста, что при переводе «соответствует переходу от уровня формирования содержания на уровень смыслообразования», пишет А.А. Шияпова (с. 193).

Информационная свертка текста при сохранении его содержания – это важнейший аспект подготовки материалов для академических презентаций, структура которых должна учитывать «клиповость» мышления, характерную для молодого поколения, подчеркивает М.В. Томская. Корреляция вербальных и визуальных материалов призвана дополнить и развернуть содержание демонстрируемых слайдов и тем самым повысить информативность научного текста – доклада или лекции.

В заключительном разделе помещен реферат на монографию Л.О. Чернейко «Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования» (подготовлен Е.О. Опариной).

Отметим, что информационная структура текста не в первый раз привлекает внимание исследователей. Так, в 2016 г. в Институте языкознания РАН был подготовлен сборник «Логический анализ языка: Информационная структура текстов разных жанров и эпох» под редакцией Н.Д. Арутюновой. В нем «информационная структура текста понимается как средство организации связного текста, порядок и способы введения информации в разных ситуациях общения и сообщения» [Сидельцев, 2016, с. 51]. Эта трактовка сближает понятие информационной структуры текста с понятием дискурса. Акцентируется взаимодействие дискурсивных категорий и категорий актуального членения предложения.

В настоящем же сборнике, посвященном памяти А.И. Новикова, акцент делается на процессе смыслообразования и смыслоизвлечения при восприятии текста, а также при трансформации первичных текстов во вторичные.

Список литературы

- Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. – М., 2007. – 223 с.
- Новиков А.И., Нестерова Н.М. Реферативный перевод научно-технических текстов. – М., 1991. – 148 с.
- Сидельцев А.В. Информационная структура текста, information structure и неканонический порядок слов в хеттском языке // Логический анализ языка: Информационная структура текстов разных жанров и эпох. – М., 2016. – С. 51–60.
- Текст и его понимание: Теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода / Пешкова Н.П., Авакян А.А., Кирсанова И.В., Рыбка И.Н. – Уфа, 2010. – 268 с.

I. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ТЕОРИЯ А.И. НОВИКОВА

М.И. Кюссе

ТЕКСТОВАЯ ИНФЕРЕНЦИЯ: ИСТОЧНИКИ СОВРЕМЕННЫХ КОГНИТИВНЫХ КОНЦЕПЦИЙ ВЫВОДНОГО ЗНАНИЯ¹

Аннотация. Выбор одной или нескольких из множественных возможностей формирования выводного знания (например, при чтении текста) обусловливается тем, что какой-либо из инференциальных путей «оказывается в более выгодном положении». Систематизация подходов к изучению инференции позволяет определить возможные пути формирования выводного знания, которыми может руководствоваться читатель при извлечении текстовой информации.

Ключевые слова: текстовая инференция; выводное знание; теории извлечения информации; понимание; интерпретация.

M. Kiose

Textual inference: the origins of contemporary cognitive views on inferential knowledge

Abstract. The choice of a definite inferential model a reader makes is strongly dependent on its salient character. Being brought into light different approaches to studying inference help detect various ways that guide the reader's attention on inferring textual information.

Keywords: textual inference; inferential knowledge; inferential process theories; understanding; interpretation.

¹ Исследование осуществлено в Институте языкознания РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130). – М. К.

Текстовая инференция как феномен познания

Интерпретация текста читателем связана с извлечением текстовой и затекстовой информации, которое происходит путем формирования сложных моделей выводного (инференциального) знания, являющихся объектом анализа современной когнитивной науки (когнитивной лингвистики и психологии). Лингвокогнитивное изучение возможностей текстовой инференции связано с решением вопросов успешности понимания текста. Именно наличие успешности позволяет разграничить инференцию как модель выводного знания и интерпретацию как способ выведения этой модели, где при дефинировании последней (интерпретации) обычно отмечаются такие характеристики, как индивидуальный характер и вариативность, но не успешность. Так, в рамках когнитивной лингвистики рассматриваются вопросы «вторичной интерпретации мира» как формирования индивидуального мировидения каждого конкретного человека [Болдырев, 2014] и «дискурсной интерпретации» как «выражения авторского отношения к происходящим событиям, людям или объектам в процессе речевой деятельности, приводящей к формированию текста» [Беляевская, 2017, с. 87]. Инференция же предполагает «схватывание или понимание концептуального содержания» [Vrandom, 2000, p. 52] в разных формах выводного знания: осознанного и неосознанного, индивидуального и коллективного, спонтанного и целенаправленного. Схватывание и понимание связываются с результативностью данного процесса, т.е. с распознаванием текстовых смыслов с помощью определенных «инференциальных схем» (термин К.-Ю. Пэнтер и Л. Торнберг [Panther, Thornburg, 2003]), что и может являться показателем успешности интерпретации.

Изучение успешной текстовой интерпретации приобретает особую актуальность, например, в случае использования автором образных выражений со слабоопределенным референциальным статусом. Так, в высказывании *Пожилых и состарившихся «вельмож» изобразительного искусства можно было узнать в первых рядах [зала. – М. К.] по скучающему или нарочито презрительному выражению лиц* [Ефремов, 1988, с. 99] интерпретация и понимание читателем номинативной конструкции «вельмож» *изобразительного искусства* подразумевает распознавание метафорической модели семантического переноса лексемы *вельмож* при определении ее референциального статуса. Распознавание предположительно

облегчается некоторыми факторами, например перемещением актантной конструкции с участием рассматриваемой лексемы в более выделенную синтаксическую позицию в составе предложения, дополнительным маркированием лексемы кавычками (что повышает визуальную выделенность слова), использованием зависимых компонентов *пожилых и состарившихся* и *изобразительного искусства* в составе номинативной конструкции в препозиции и постпозиции к основному номинативному компоненту, привлекающим внимание контрастированием разных исторических эпох (современной эпохи и эпохи «вельмож»), очевидной окказиональностью конструкции *вельможи искусства* (что можно проверить путем корпусного анализа), означиванием образа человека как основной точки отсчета в системе любых текстовых координат и т.д.

Очевидно, что спектр факторов, определяющих успешность интерпретации и понимания таких образных выражений в тексте, достаточно широк и не ограничивается вышеперечисленными показателями. Для понимания возможной роли таких факторов исследователю, работающему над проблемой интерпретации текста читателем, необходимо знать, чем может руководствоваться читатель при распознавании текстовой неопределенности, импликации, образности. Дело в том, что речь идет не только о лингвистических факторах, руководящих выбором модели инференции, но и о множественных когнитивных, психологических, прагматических, семиотических, гносеологических и просто случайных факторах, эффект которых в момент восприятия текста может оказаться решающим при конструировании текстового события. Систематизация данных факторов, определяемых эмпирическим и логическим путем в рамках различных направлений антропологического исследования в самом глобальном плане, способствует преодолению узко-лингвистического взгляда на проблему инференции, вывода ее решение в теорию антропологии в целом.

В действительности формирование большого количества подходов к анализу инференциального знания обусловливается несколькими причинами.

Во-первых, на становление разных гипотез инференции повлияла многовековая философская гносеологическая традиция, в рамках которой ставились вопросы достижения истинного знания, обнаружения природы и сущности наименования. Как продолжение различных философских взглядов зарождаются семиотические, логические и прагматические концепции выводного знания,

в которых постулируются разные приоритеты при извлечении текстовой информации.

Во-вторых, значимую роль сыграл тот факт, что сам термин «инференция» долгое время использовался нетерминологически, что имело результатом существование его расширенного толкования в целом – как процесса извлечения смысла и как результата этого процесса, т.е. собственно извлекаемого смысла. Такое расширительное понимание инференции способствовало тому, что все звенья этого процесса, например, тип информации, способ извлечения инференции, организация инференциального знания, материал как источник этого знания, предполагают значительную вариативность интерпретации. Кратко отметим, что проникновение данного термина в отечественную лингвистику сопровождается поисками его более точного дефинирования, поскольку он не имеет нетерминологической предыстории в русском языке и ощущается как заимствованный (поэтому маркированный), но используемый наряду с такими кажущимися аналогами, как распознавание, интерпретация и понимание. Возможно, это является причиной возникновения повышенного интереса к теориям инференции именно в отечественной науке.

В-третьих, в период наблюдаемой смены научной парадигмы с системоцентричной на антропоцентричную происходит не только становление новых научных направлений, но и пересмотр «старых», многие положения которых переживают свое второе (и не только второе) рождение. Данный процесс имеет прямое отношение к трансформации значения термина «инференция», так как при непосредственном анализе многих логико-философских концепций, например, Античности и Средневековья, обнаруживаются положения, созвучные современной когнитологии, феноменологии, неопрагматике. Таким образом, содержание термина не формируется заново, а аккумулирует накопленные смыслы, что особенно ярко проявляется именно в отечественной научной традиции, характеризующейся своей полипарадигмальностью.

Перечисленными причинами и обусловливается необходимость обращения к самым ранним концепциям инференциального знания, а именно, к эпистемологическим теориям Античности и Средневековья, которые скрывают еще много непознанных и недооцененных положений.

Ранние источники современного знания об инференции

В качестве источников инференциальных концепций традиционно называются концепции модальной и эпистемологической логики и ранние прагматические концепции, однако многие «истинно» инференциальные положения, созвучные современным когнитивным идеям, были высказаны в рамках классической силлогической логики.

Как известно, концепции выводного знания составляли значимую часть философии языка Древнего мира и Античности, при этом также хорошо известно, что вопрос рассматривался в плане «правильности vs. неправильности» и «истинности vs. ложности» такого знания. В качестве иллюстраций такого подхода обычно приводят теории «правильности имен» Платона, «выправления имен» Конфуция, теорию «сущности» как результата истинного (научного) знания Аристотеля. Гораздо менее известно, однако, что выводное знание Аристотеля не всегда предполагает только научно-логический вывод из посылок. В эссе «О памяти и припоминании», входящем в состав цикла «Малые сочинения о природе», выводное знание рассматривается Аристотелем в контексте воспоминания (*ἀνάμνησις*) как воспроизведение предшествующего опыта в ходе поисковой деятельности сознания. Наиболее значимый для настоящего обсуждения вопрос формирования выводного знания затрагивается, например, во фрагменте, в котором повествуется о том, что «умозаключение (силлогизм, вывод) может быть один (единственно верный). На основе сходного испытанного ранее знания мы формируем некоторое заключение (вывод). Составляющие ранее испытанного знания дают начало соответствующим выводам. Именно на основе этого знания мы формируем инференции» (перевод с древнегреческого языка наш¹) [Bloch, 2007, p. 48]. Представляется интересным продемонстрировать, как варьируется понимание аристотелевской концепции выводного знания в переводных толкованиях рассматриваемого эссе. Так, в трех известных нам англоязычных переводах (перевод Дж. Беара, считающийся довольно вольным, впервые изданный в 1908 г.; перевод Р. Сорабджи, изданный в 1972 г.; перевод Д. Блоха, изданный в 2007 г.), франкоязычном переводе (перевод Ж. Бартелими Сант-Илэр, изданный в 1847 г.),

¹ Автор статьи благодарит М.В. Сарафанникова за помощь, оказанную при переводе древнегреческих фрагментов. – М. К.

русскоязычном переводе (перевод С.В. Месяц, изданный в 2004 г.) используются лексемы с разным содержанием при передаче оригинальной лексемы, обозначающей выводное знание, συλλογισμός (силлогизм). В переводе Дэвида Блоха ей соответствует *deduction* в «recollecting is like a sort of deduction или deliberating is also a sort of deduction» [Bloch, 2007, p. 49]. В англоязычном переводе Ричарда Сорабджи отмечается именно инференциальная основа припоминания (данный термин, однако, не употребляется при переводе), в основе чего лежит, в первую очередь, визуальный опыт, а новые ментальные образы соотносятся с уже пережитыми, так как и те, и другие представляют собой копии одних и тех же объектов, с которыми мы осуществляли взаимодействие [Sorabji, 1972]. В переводе Дж. Беара мы встречаем именно лексему *inference* и глагол *to infer* в соответствующих фрагментах: «Recollection is <...> a mode of inference. For he who endeavors to recollect infers that he formerly saw or heard <...> deliberation is a form of inference» [Aristotle, 2012, p. 7]. В переводе на французский язык Ж. Бартеlemi Сант-Илэр особенно сильно ощущается проявление разумного, логического восприятия выводного знания: «la reminiscence est une sorte de raisonnement <...> vouloir est bien aussi une sorte de raisonnement, de syllogism» «реминисценция представляет собой вид разума <...> желание это тоже вид разума, вид силлогизма» (перевод наш. – М. К.) [Psychologie d'Aristote, 1847, p. 133–134]. Здесь однозначно постулируется значение разума в используемом дважды *une sorte de raisonnement* «вид разума, или логического познания», причем эффект усиливается от использования параллельной конструкции с участием лексемы *syllogism*, которая в современной философии языка воспринимается однозначно в контексте силлогической логики Аристотеля.

В действительности же Аристотель указывает, что данный процесс связан с проявлением воли, имеет деятельностные основания, сопровождается ощущением изменения времени; однозначной связи с логическим рационализмом здесь не обнаруживается. В одном из толкований данной работы, выполненном на русском языке, переводной вариант данного фрагмента также предполагает исключительно логические инференции, причем однонаправленные (целенаправленные): «любой поиск есть целенаправленная деятельность, а ставить перед собой определенные цели и добиваться их осуществления способно только существо, обладающее волей. Воля же есть некое умозаключение» [Месяц, 2004, с. 160].

Здесь воля соотносится с *deliberating* или *deliberation* в англоязычных переводах, а умозаключение – с *deduction* и *inference*. Во всех случаях англоязычный перевод менее категоричен в плане обязательного присутствия логических оснований выводного знания, при том, что перевод текста Аристотеля в действительности предполагает вариативность возможностей выводного знания.

Аристотель приводит пример (рассмотрим его по переводным вариантам текста Д. Блоха и Дж. Беара) вариативности возможностей выводного знания при восприятии дискретного объекта на примере цепочки букв. При инференции центр объекта познания становится отправной точкой конструирования знания о нем; если знание об объекте не было извлечено ранее (до того, как мы добрались до его центра), то оно будет наверняка сформировано, когда мы определимся с центром объекта; если же даже в этот момент знания не были извлечены, то этого уже и не произойдет. Встречаясь с некоторой последовательностью букв ABCDEFGH как компонентов единого объекта познания, человек начинает интерпретацию с середины, центра, при этом возможны два пути распознавания, влево и вправо, условно к В и G. Дополнительная вариативность обеспечивается также тем, что при движении от центра даже в одном направлении можно «перепрыгнуть» сразу к G или H. При этом чаще всего в качестве пути извлечения информации избирается привычный, традиционный путь, тот, который используется (задействуется) чаще всего (по [Bloch, 2007, p. 43–45; Aristotle, 2012, p. 6]). Таким образом, в концепции Аристотеля инференция осуществляется и за счет соотнесения с уже имеющимся знанием, что предполагает вариативность формирования выводного знания (т.е. отказ от постулатов истинности или единственной правильности). В этом случае для выводного знания верна и оппозиция «построенное на основе припоминания прошлого опыта vs. не имеющее аналогов в прошлом». При этом, как отмечает Р. Сорабджи в обзорной работе, посвященной анализу движущей силы как одному из центральных положений в научном наследии Аристотеля, «философия Аристотеля не дошла до Средневековья в неизменном виде, а обогатилась пространными толкованиями многочисленных комментаторов» [Sorabji, 1990, p. 198].

Среди наиболее значимых средневековых философских концепций, в которых развивается эпистемологический подход к инференции, назовем томическое учение Фомы Аквинского и его последователя Джона Пуансо, работы которых в современной фи-

лософии языка вновь подвергаются переосмыслению. Продолжая идеи Ф. Аквинского об интеллектуальной силе (*intellectus agens*) и ментальной силе (*vis cogitativa*) [Lisska, 2010, p. 154], Дж. Пуансо отмечает существование нескольких эпистемических факторов, определяющих формирование выводного знания: 1) активность самого субъекта познания; 2) стимулирующая познание внутренняя сила объекта; 3) формальная репрезентация как осознание силы объекта; 4) инструментальная репрезентация как способ репрезентации объекта [цит. по: *Classic readings*, 2003, p. 42–43]. Следуя платоновской идее, философы усматривают основания инференции в самом объекте, а также и в познавательной активности субъекта. Таким образом, прошлый опыт оказывает основное влияние на формирование выводного знания, но не только через память субъекта, а и через воздействие силы объекта. Так, если отвлечься от религиозной доктрины как основного принципа учения Ф. Аквинского о *Scientia* в трактате “*Summa theologiae*” (которую он также развивает под влиянием идей Аристотеля¹), оказывается, что изложенные принципы познания во многом перекликаются с высказанными выше положениями учения Аристотеля о том, что выводное знание формируется с оглядкой на предшествующий опыт. Как указывает Дж. Дженкинс, исследователь учения Ф. Аквинского, для аристотелевских терминов *γυνώσκειν* / *γνώσις*, употребляемых в цитируемой Ф. Аквинским работе Аристотеля «Вторая аналитика», Ф. Аквинский использует два латинских эквивалента – *cognoscere* / *cognitio* «изучать, познавать / познание» и *noscere* / *notitia* «узнавать / интеллектуальное познание, интеллект», – соотносимые с совр. англ. *apprehend* / *apprehension* / *cognition* «схватывать» / «схватывание» / познание» и *know* / *knowledge* «знать / знание, эрудиция» [Jenkins, 1997, p. 16]. Здесь *apprehension* и *cognition* в большей степени соотносимы с познанием объекта (или интерпретацией пропозиции), а также с интеллектуальным поиском в целом. В то же время *knowledge* предполагает введение критерия истинности. Систематизируя особенности формирования выводного знания Аристотеля и Ф. Аквинского, Дж. Дженкинс называет следующие возможности инференции: истинность (*truth*), простота (*primitiveness*), предшествование (*priority*), непосредственное предшествование (*immediateness*), наличие причинных связей (*the cause of the conclusion*), предшествующее и лучшее знакомство

¹ Об этом подробнее см.: [Sorabji, 1990]. – М. К.

(being better-known) [Jenkins, 1997, p. 21–27]. Например, при отсутствии предшествующего знакомства с объектами и связями просто невозможно вывести единственно верный силлогизм или его отдельные предпосылки. В этом случае при инферировании мы руководствуемся другими принципами познания, например, опорой на сенсорный опыт или на ранее задействованные причинно-следственные связи и отношения.

Высказанные положения наглядно демонстрируют, что истоки логико-философских, формально-логических и эпистемологических (когнитивных) концепций инференции обнаруживаются в самых ранних подходах к анализу выводного знания. Отметим, что интерес к знанию, выводимому опытным путем, поддерживается и получает определенное развитие в философских концепциях XVI–XIX вв. (например, в теориях Ф. Бэкона, Дж. Локка, В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни): в это время возможности разных типов опытного знания (чувственного, опытного, деятельностного, индивидуального, психологического) начинают изучаться более целенаправленно.

Непосредственные источники инференциальных концепций лингвокогнитологии

Сформировавшиеся на рубеже XIX–XX вв. и в первой половине XX в. концепции инференции апеллировали к одной из трех выработанных античной и средневековой философией оппозиций:

1) «истинное vs ложное знание» (в логико-философских теориях); 2) «правильное vs ошибочное знание» (в формально-логических теориях, в том числе, в лингвистической семантике); 3) «знание, выводимое из предшествующего опыта vs знание, не имеющее аналогов в прошлом» (в ранних когнитивных теориях инференции).

Так, подход к выводному знанию на основе оценки его истинности / ложности развивается в работах философов-логиков Б. Рассела, У. Куайна, Ш. Крипке, А. Тарского.

Правильность / неправильность выводного знания становится основным критерием для формирования концепций модальной логики Р. Монтэгу, Я. Лукасевича и становления логико-прагматической концепции Г.П. Грайса.

В языкознании две названные оппозиции сформировали ключевые направления и подходы системоцентрической парадигмы.

Среди поворотных концепций, вновь обративших внимание исследователей на третью оппозицию при анализе выводного знания, а именно, на поиск оснований для оценки выводного знания относительно предшествующего опыта, назовем семиотико-эпистемологические теории познания. Для них характерен отказ от жесткого детерминизма, что связано с поворотом к опытному, выводимому знанию, результату взаимодействия человека со средой. Среди наиболее ярких представителей данного подхода назовем таких исследователей, как Ч.С. Пирс (концепция когнитивного прагматизма или «прагматицизма», как предпочитал называть его Ч.С. Пирс), Г.Г. Шпет, М. Мерло-Понти (неогумбольдтианство, или теория трансцендентальной философии языка), Я. Хинтиikka (теория «возможных миров»). Кратко покажем основные направления понимания инференции в их работах.

Для Ч.С. Пирса выводное знание в контексте эпистемологии связано с применением операции абдукции, под которой он понимает «акт догадки как основу для рождающихся научных гипотез и вида инференциального знания», отмечая, что «абдукция объединяет научный поиск и обыденное мышление» [Peirce, 1940 (1955), p. 5]. В качестве основного принципа инференциального знания Ч.С. Пирс усматривает «наличие склонности сознания, врожденной или приобретенной, которая управляет выбором инференции», причем истинность (truth) выводного знания определяется соответствием (validity) другим инференциям, выработанным этой же склонностью сознания» [Peirce, 1940 (1955), p. 8]. Таким образом, в логико-семиотической концепции выводного знания Ч.С. Пирса критерии «истинности / ложности» и «правильности / ошибочности» уступают место критерию «соотнесенность с прошлым опытом (знанием, убеждением) / отсутствие предыдущего опыта».

В то же самое время, когда разрабатывал свою логико-философскую концепцию Ч.С. Пирс, в недрах философии языка развивались феноменологические и эпистемологические теории познания как продолжение и развитие гуманистических идей В. фон Гумбольдта. Идеи «цельного знания» развивались в рамках школы Всеединства, где достижение цельного знания признавалось возможным при движении от науки (А.Ф. Лосев), философии (С.Н. Булгаков) или теологии (П.А. Флоренский), но только в их

синтезе [Постовалова, 2016]. Концепции, в которых изучаются отдельные типы инференции, принадлежат школам трансцендентальной философии языка (разрабатывающим общепризнанные положения теории Э. Гуссерля), например отечественной школе Г.Г. Шпета, французской школе М. Мерло-Понти, финской школе Я.Ю. Хинтикки. Так, в основе формирования инференций для Г.Г. Шпета оказывается предиктивное, или установление отношений слова к значению, под которыми Г.Г. Шпет понимает понятие. Так, он пишет: «Мы исследуем слово как источник познания, как *pr. cognoscendi*, т.е. берем его всегда как знак с его значением. Но интересуемся не самим значением и не носящим его предметом, а теми внутренними формами языка, в которых отражается отношение слова к значению <...> Такие отношения есть *понятия*» [Шпет, 1996, с. 110]. Понимание связано с предиктивностью, но оно не есть предиктивное. Как отмечает А.Г. Вашестов, «знание в интерпретации Шпета складывается из элементов чувственного и разумного, непосредственно данного в восприятии и рассудочного, выражающегося опосредованно, в понятии <...> Первым из феноменологов Шпет поставил проблему традиции как условия понимания» [Феноменология, 1988, с. 75–76].

Для М. Мерло-Понти инференции формируются на основе собственного опыта взаимодействия с миром, т.е. инференция – это коммуникация между Ego_1 , активным, познающим, конструирующим мир, и Ego_2 , скрытым, пассивно способствующим формированию новых смыслов. Так, Мерло-Понти отмечает, что «за пониманием речи, которая является частью дискурса и существующей правдой, лежит скрытое понимание себя, познаваемого самим собой» [Merleau-Ponty, 2005 (1962), p. 360]. Вопрос истинного познания снимается тем, что любое чувственное познание, чувственный опыт есть опыт пережитый, поэтому истинный [Merleau-Ponty, 2005 (1962), p. 337]. Интерпретаторы учения М. Мерло-Понти отмечают, что коммуникация с миром и с самим собой в этом мире – это и есть синестезия в понимании М. Мерло-Понти, в ходе которой задействуются все «чувственные модальности» [Smith, 2007, p. 19].

При описании моделей инференции Я.Ю. Хинтикка развивает вероятностно-статистическую теорию выводного знания через метафору контейнера или урны с извлекаемыми из нее шариками. Речь идет о так называемой концепции контейнера / «урны» (*urn models*) (применяемой Я.Ю. Хинтиккой вслед за Вейкко Ранталом [Rantala, 1975]), где некоторые параметры (*quantifiers*) могут от-